

Тело тело встретило

жизнь

Иеремии Бентама

после смерти

Перевод с английского
Валентина Фролова
по изданию: © Madigan T.
When A Body Meets A Body //
Philosophy Now. May — June
2013. Iss. 96 P. 16–18.

Публикуется с любезного
разрешения автора.

Тимоти Дж. Мадиган

Доктор философии, адъюнкт-профессор факультета философии Сент-Джон Фишер Колледжа. Адрес: 3690 East Avenue, Rochester, New York 14618, USA. E-mail: tmadigan@sjfc.edu.

Ключевые слова: смерть; похитители трупов; утилитаризм; пластинация.

В этой остроумной заметке автор с несколько неожиданной перспективы размышляет о смерти. Его безобидное хобби — посещение могил

*Друг, ради Господа, не рой
Останков, взятых сей земляей;
Нетронувший блажен в веках,
И проклят — тронувший
мой прах.*

*Эпитафия на могиле
У. Шекспира
(Пер. А. Валчанского)*

По причинам, для меня самого до конца не постижимым, я имею пристрастие посещать могилы философов. К настоящему моменту я побывал в местах упокоения Юма, Руссо, Вольтера, Маркса, Сартра и де Бовуар (в последнем случае это было «два в одном», так как оба похоронены на Монпарнасском кладбище в Париже). Учитывая, что все они довольно скептически относились к жизни после смерти, а некоторые и вовсе ее отрицали, вы могли бы поинтересоваться: зачем я предпочитаю навещать всех этих философов там, где они явно чувствуют себя не в своей тарелке.

философов — привело его к так называемому «само-образу» Джереми Бентама, хранящемуся в лондонском Университетском колледже. Что может двигать человеком, принимающим решение сохранить свой труп для грядущих поколений: самовлюбленность, нездоровый эксгибиционизм или необъяснимое влечение к смерти? Эти вопросы заставили автора копнуть глубже и задуматься о том, почему трупы, зомби, скелеты и прочие «макабрические» элементы вызывали и продолжают вызывать неизбывный интерес среди живых. Все началось с так называемых «похитителей трупов», которые удовлетворяли вполне меркантильный запрос медицинских учреждений — трупы нужны были врачам для анатомических исследований. Однако если вспомнить ужасные случаи торговли органами, то оказывается, что исто-

рия о «похитителях трупов» продолжается и в наше время.

Одна из отличительных черт современной эпохи — наложение бессознательного табу на некоторые темы, в том числе и на тему смерти. Нельзя не отметить, что этот запрет во многом предопределил всеобщий интерес ко всему, связанному с мертвечиной и нежизнью. По мнению автора, отношение нас, живых, к мертвым является отражением нашего достоинства. Не веря в жизнь после смерти, он собирается последовать примеру философа-утилитариста Джереми Бентама и завещать свое тело науке, тем более что современная технология «пластикации» позволяет придавать трупу самый что ни на есть живой вид. Однако, как подчеркивает автор, завещание своего тела науке и обществу может и должно быть поступком исключительно добровольным.

Причина в том, что, признавая превосходство этих мыслителей над собой, я сохраняю перед этими великими умами некоторое преимущество: в отличие от них я все еще здесь. И это вызывает во мне нечто вроде «экзистенциальной» радости.

Однако одному философу удалось оставить меня с носом — я имею в виду великого Иеремию Бентама (1748–1832), царство ему небесное. В отличие от всех вышеперечисленных он встретил меня лицом к лицу. А все потому, что покоится он не в могиле, а в застекленной деревянной камере в главном фойе лондонского Университетского колледжа. Это учебное заведение Бентам всегда поддерживал и был для него «духовным отцом» (парадоксальное определение, если учитывать его антирелигиозные взгляды). Вот фотография, подтверждающая нашу встречу (я — справа, если вы не догадались).

Снимок был сделан сопровождавшим меня основателем журнала «Философия сейчас» Риком Льюисом. Этот «образ» (опять же, слишком духовное слово для такой нерелигиозной вещи) представляет собой набитый, подобно чучелу, скелет философа. Он облачен в собственную одежду и вооружен принадлежавшей ему при жизни тростью для ходьбы, даром что ходить

ему уже давно не приходилось. Скелет венчает восковая голова, украшенная соломенной шляпой, также принадлежавшей самому Бентаму. Сначала череп хранился в коробке, лежащей у его ног, но студенты Королевского колледжа, извечного конкурента Университетского колледжа, шутки ради выкрали его. Согласно легенде, они даже играли им в футбол. Рик Льюис, некогда работавший в Королевском колледже, клялся, что ничего не знает об этих проделках. Но я заметил, как помрачнел взгляд Бентама, когда Рик вошел в фойе и приблизился к стеклянной камере. Увы, бедняга Бентам — его настоящая голова теперь хранится под замком в другой части здания колледжа.

Предпринимательский дух

Хотя он и не похож на зомби, что-то смущает того, кто глядит на Бентама во плоти спустя столько лет после его кончины. Какой мотив стоит за желанием демонстрировать свой труп таким образом? Я показывал вышеприведенную фотографию своим студентам и спрашивал их мнение на этот счет. Как правило, следовал один из двух ответов: «у него поехала крыша» или «он

был крайне самовлюбленным человеком». Не отрицая полностью оба мнения, я давал им совет, в свое время полученный мной от Беркли Эддинса, преподавателя философии Университета Буффало: всегда имей в виду, что всякий великий философ имел *причину* на тот или иной, пусть даже самый странный, поступок. Памятуя об этих словах, я по возвращении в Штаты провел небольшое расследование, чтобы понять, почему все-таки в Университетском колледже Лондона стоит этот «Бентам в табакерке».

Оказалась, что в Британии конца XVIII — начала XIX века, когда Бентам был в расцвете творческих сил, существовала этическая дилемма «похищения трупов». Медицинские школы, одна из которых была организована при Университетском колледже, сильно нуждались в трупах для исследований и занятий со студентами, однако «материала» катастрофически не хватало. Мало кто желал отдать свое тело науке: кто по религиозным соображениям, кто по брезгливости, а большинство просто находило это странным и неприятным. И, как это обычно бывает, когда предложение неадекватно спросу, возникает черный рынок. Так называемые «похитители тел», как известные Бёрк и Хэйр из Эдинбурга, начали раскапывать свежие могилы и поставлять их содержимое врачам. Затем, почувствовав, что похищение трупов занимает слишком много времени и подвергает их риску, они решили сами «производить» трупы. Началась охота на деклассированных и малоимущих. Жертву опаивали крепкими напитками, а затем, по достижении необходимой кондиции, насмерть душили. К моменту, когда врачей начала настораживать странная «свежесть» получаемых тел, бизнес уже достаточно раскрутился. Возможно, так и возник закон «не спрашивай, не говори».

Очевидно, что все эти происшествия вызвали ужас и праведный гнев по всей Британии. Люди, находившие могилы своих родных и близких раскопанными, явно не были довольны. А бездомным, и без того побитым жизнью, приходилось опасаться еще и охотников за телами. Чтобы обеспечить законную поставку трупов медицинским школам, британское правительство приняло закон о предоставлении для научных вскрытий тел казненных преступников. Объяснялось это так: раз уж преступники все равно попадут в ад, то и о нравственной стороне вопроса об их упокоении можно не беспокоиться. Чувство поэтической справедливости заставляет меня рассказывать конец истории Бёрка и Хэйра. Когда их поймали, послед-

ний свалил все на первого и был отпущен. Бёрка же повесили, а тело его было отправлено в тот самый медицинский колледж, который он снабжал необходимыми «материалами». *Habeas corpus redux*.

Вдохновляющий пример

Несмотря на частые казни, спрос на трупы не был полностью удовлетворен. И Бентам прекрасно это знал. Будучи социальным реформатором, он, в отличие от своих коллег, не призывал к увеличению числа казней. Наоборот, продвигая идеи утилитаризма, он призывал ограничить их количество, а приговор выносить соразмерный содеянному. Более того, с принципом «максимального блага для максимального числа людей» (*the greatest good for the greatest number*) лучше согласуется добровольное завещание тел, а не «выкапывание трупов» или их передача медицинским школам по решению суда. Бентам же был из тех, кто поступал в соответствии с тем, что проповедовал, поэтому свое тело он завещал медицинской школе Университетского колледжа Лондона. И его задумка была вполне в русле утилитаристского мышления: умерший уже не чувствует боли, ничто уже не способно ему навредить, зато те, кто произведет вскрытие, могут извлечь много общественно полезной информации об анатомии человека. Максимум выгоды и никакого вреда — элементарный утилитаризм, и мозгами раскидывать не надо (лучше их подробнее изучить). А чтобы действительно обеспечить максимум блага, Бентам приказал после собственного препарирования выставить тело на всеобщее обозрение, чтобы оно вдохновляло других на подобный поступок. Бентам рассчитывал, что посетители колледжа — люди более просвещенные и менее суеверные, чем простая толпа, и не только последуют его примеру, но и вдохновят на это своих друзей и знакомых.

Увы! Благородный поступок Бентама не изменил ситуацию. Мало кто отваживался последовать его примеру и пожертвовать свое тело медицине. А спрос на трупы оставался таким же высоким. В связи с этим в 1832 году (в год смерти Бентама) был принят «Анатомический акт» (*Anatomy Act*). Хотя он и отменял предыдущий закон, позволявший вскрывать тела повешенных (таким образом, посмертное препарирование перестало ассоциироваться со смертной казнью), согласно ему в медицинские учреждения доставлялись трупы людей, не опознанных спустя двое суток после смерти (это относилось в основном к бед-

ным и неимущим). Но совсем не этого хотел Бентам. Он понимал, что именно бедные и необразованные люди (в большинстве своем подпадавшие под этот закон) наиболее суеверны и богобоязненны и не захотели бы такой судьбы для своего тела. Следовательно, такая практика получения трупов стала бы вызывать больше страха в обществе. Таким образом, «Анатомический акт» свел на нет деятельность «похитителей тел», но лишь за счет поддержания страха среди бедных и нищих и усложнения их и без того тяжелой жизни.

Мертвые на обозрении

Вскоре после знакомства с «само-образом» Бентама я вернулся домой в Баффало, штат Нью-Йорк, где у меня появилась возможность осмотреть еще некоторое количество трупов. Местный музей науки спонсировал выставку под названием «Миры тела». В согласии с названием тела возили по всему миру и выставляли на всеобщее обозрение. Все началось с того, что немецкий врач Гюнтер фон Хагенс (классический «чокнутый профессор» в броской черной фетровой шляпе) изобрел так называемую пластинацию, а тела начали выставляться в вызывающих и подчас неправдоподобных позах. Созерцать эти тела — занятие не для слабонервных, ведь кожа трупов заменена прозрачным пластиком, что позволяет увидеть нервную систему и все внутренние органы. Мне запомнился труп, бьющий по футбольному мячу своей прозрачной ногой. Я тут же вспомнил о многострадальном черепе Бентама, послужившем мячом для шаловливых студентов Королевского колледжа.

Впервые я услышал о фон Хагенсе и пластинации за десять лет до этого, как раз по странному совпадению в момент знакомства с Риком Льюисом. Он и его девушка Аня только что вернулись из Лондона, где побывали на выставке «Миры тела», и даже показали мне иллюстрированную программку. Едва появившись, эта выставка вызвала жаркие споры (во многом из-за того, что в наше время все, что связано с немецкими врачами и экспериментами, неизбежно приобретает неприятную коннотацию). Участников пикетов волновали два вопроса: чьи тела были выставлены и дали ли эти люди свое согласие? Все это стало и продолжает оставаться яблоком раздора: в то время как появляются конкурирующие с «Мирами тела» шоу, в обществе циркулируют слухи, что тела для выставок покупают на черном рынке. Некоторые утверждали, что трупы принад-

лежат китайским заключенным, что заставило специалистов усомниться в том, могли ли заключенные завещать свои тела и не были ли они политзаключенными.

Организация фон Хагенса теперь крайне щепетильна в подобных вопросах. На выставке в Баффало ясно дали понять, что все тела были предоставлены в рамках донорской программы Института пластикации, а независимым специалистам по этике были предоставлены все необходимые документы и справки. Сами донорские карты можно было увидеть прямо на выставке¹.

Подобная экспозиция заставляет задуматься над одним очень интересным нравственным вопросом. Есть ли у нас обязательства перед умершими? Конечно, в их случае было бы странно говорить о некоей свободе выбора, поэтому согласие мертвых есть не что иное, как категориальная ошибка. Так почему бы не использовать их тела по своему усмотрению? В конце концов, медицина до сих пор нуждается в человеческих телах, а также в органах и различных конечностях для трансплантации. А случаев безвозмездной передачи столь же *катастрофически* мало, учитывая, сколько человек умирает ежедневно. Итак, стоит ли нам быть такими разборчивыми, когда речь заходит об использовании трупов?

Похищение тел в XXI веке

Новое жутковатое продолжение обсуждаемая проблема получила в декабре 2005 года. Семья известного журналиста и телеведущего Алистера Кука, умершего от рака легких в марте 2004 года, узнала о том, что его тело не было кремировано, — вместо этого труп разрезали на куски и продали неизвестным лицам из Нью-Йорка. Чтобы взвинтить цену своего «товара», современные «похитители тел» подменили медицинское свидетельство. Тело якобы принадлежало молодому здоровому человеку, а не больному раком 95-летнему старику. Затем обнаружилось, что такая же участь уже постигла более тысячи тел. Родственников уверяли в том, что тело кремировано, а тем временем подделывали их подписи и развозили органы и части тела по складам штата Нью-Йорк. (Я был шокирован, когда узнал, что та же участь постигла тело родственника одного из моих бывших коллег. Ответственных за это преступление из-

1. Для всех сомневающихся и интересующихся подробностями см. URL: http://www.bodyworlds.com/en/body_donation.html.

обличили, судили и приговорили к заключению. Разница лишь в том, что их не постигнет судьба бедолаги Бёрка, с чьим телом поступили так же, как с теми, которые он поставлял.) Очевидно, в таких делах речь идет о больших деньгах: по одному из подсчетов расчлененное тело можно продать за общую сумму в 200 тыс. долларов. Похоже, в XXI веке похищение тел живет и здравствует.

Подобный подрыв общественного доверия, не говоря уже об ужасающем нарушении врачебной этики, не может не вызывать тревогу. Однако какой урок мы можем извлечь из этой современной страшилки?

Во-первых, становится ясно, почему зомби до сих пор так популярны. Другой мой наставник из Университета Баффало, крупный ученый Лесли Фидлер, отмечал, что такие классические произведения, как «Франкенштейн» Мэри Шелли, «Дракула» Брэма Стокера, «Похититель тел» Роберта Льюиса Стивенсона, «Сердце-обличитель» Эдгара По и множество других страшных историй, продолжают щекотать нервы читателей именно потому, что затрагивают запретную тему порчи могил и высвобождения мертвых. По мнению моего учителя, дело не только в литературных достоинствах. Эти истории будут волновать нас до тех пор, пока смерть будет оставаться запретной, табуированной темой. Многие, подобно Шекспиру, предпочитают, чтобы их останки лишней раз не беспокоили.

Но из всей этой истории мы можем извлечь и нравственный урок. Я уверен, что то, как мы обходимся со своими умершими, является отражением нашего достоинства. Возможно, именно поэтому я продолжаю почтительно посещать могилы тех, кто многого добился в моей профессии. Так можно оказать свое почтение тем, чьи работы продолжают оставаться актуальными спустя много лет после ухода автора. И поэтому же я рад, что доктор фон Хагенс (заявивший недавно, что его тело также будет «пластинировано» после смерти) так беспокоится о получении разрешения на использование трупов. Однажды мне представилась возможность посетить мавзолей Ленина на Красной площади, но я отказался, так как знал, что он не давал своего разрешения на использование своего трупа таким образом. Не будучи поклонником философии Ленина, я решил отдать ему малую толику уважения, решив не подсматривать за его трупом. Бенгам сам завещал свое тело, поэтому на него я смотрел без каких-либо колебаний. Скорее наоборот, с моей стороны было бы непочтительно отказаться.

Более того, чтобы все знали, что дело (и тело) Бентама живет, я официально пожертвовал свое собственное тело науке (вспомнив о том, что Вуди Аллен завещал научной фантастике свое). После смерти мой труп будет передан в распоряжение медицинской школы моей *alma mater* Университета Баффало. Это — лишь малая плата за образование, которое я получил там, и за знакомство с такими людьми, как Эддинс и Фидлер, которые до сих пор (даром что обоих уже нет в живых) продолжают влиять на меня. И хотя в университете не собираются после вскрытия выставлять мое тело напоказ, я уже заготовил трость и шляпу. На всякий случай.

When a Body Meets a Body: Jeremy Bentham's Afterlife

Timothy J. Madigan. PhD in Philosophy, Associate Professor at the Department of Philosophy and Classical Studies of St. John Fisher College. Address: 3690 East Avenue, Rochester, New York 14618, USA. E-mail: tmadigan@sjfc.edu.

Keywords: death; corpse stealer; utilitarianism; plastination.

The author of this essay reflects on the question of death from an unexpected perspective. The author's hobby, to visit tombs of philosophers, eventually led him to the "auto-icon," or Jeremy Bentham's preserved skeleton dressed in clothes and with a wax head, kept in London University College. What inspired a man to leave his corpse for future generations — narcissism, morbid exhibitionism or an inexplicable fascination with death? All of these questions inspired the author to find out why corpses, zombies, skeletons and other macabre arte-

facts have always sparked persistent interest among the living. We can trace this interest to so-called body-snatchers who would satisfy the mercantile interests of hospitals and medical colleges. Physicians needed dead bodies for their anatomic studies. But today's organ-trafficking implies that body-snatching is still alive and well.

A distinguishing characteristic of modern times is the unconscious taboo associated with certain topics, including death. But this ban has also triggered universal interest towards the undead. The author argues that our attitude towards the dead is a marker of dignity. The author does not believe in life after death and attempts to follow Bentham's example and to leave his body to science. However, the author argues that the decision, to leave one's body to science should be an act of free will.